

Ключевые слова: концептуальный анализ, концептосфера, микроконцептосфера, фауна, флора, произведения для детей Е. Гуцало.

Gomeniuk O., PhD student,
Volodymyr Hnatyuk Ternopil National Pedagogical University, Ternopil'

THE SPECIFICS OF LINGUO-MENTAL VALUES FROM THE SPHERE OF FAUNA AND FLORA IN E. HUTSALO'S WORKS FOR CHILDREN

The article deals with the analysis of the characteristics of the flora and fauna conceptualization which is represented in the relevant concepts in the E. Hutsalo's prose for children. The article grounds the advantages of the method of conceptual analysis, including two concept spheres – "flora" and "fauna", four micro concept spheres have been pointed out.

Key words: conceptual analysis, concept spheres – "flora" and "fauna", micro concept spheres.

УДК 811.161.1'38

Е. Куварова, канд. филол. наук, доцент,
Днепропетровский нац. ун-т имени Олеся Гончара, Днепропетровск

АПЕЛЛЯТИВ В СОСТАВЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА

Выделены типы апеллятивов, функционирующих в составе эпистолярного обращения к адресату: общий / частный, канонизированный / неканонизированный, спонтанный, персонифицированный. Показаны возможности сочетаемости апеллятивов, принадлежащих к разным классам, и их соотносённость с определёнными семантическими полями.

Ключевые слова: письмо, адресант, адресат, эпистолярный вокатив, обращение, апеллятив.

Вокатив как один из конструктивных параметров письма играет важную роль для установления контакта при письменной коммуникации и во многом определяет её тональность и стилистический регистр. Характер эпистолярного обращения регулируется сложившимися в лингвокультурной общности конвенциями и правилами этикета. Этикет русского письма допускает обращение по имени, имени и отчеству, по фамилии, причём антропонимы обычно сопровождаются детерминантами типа *дорогой, милый, любимый* или регулятивами *милостивый государь, господин (госпожа), сударь (сударыня), товарищ*, тем или иным из которых в разное время отдавалось предпочтение. Возможно употребление в качестве обращений слов, обозначающих родство, а в деловой переписке – наименований человека по должности. В функции вокатива широко употре-

© Е. Куварова, 2013

бляются и другие имена нарицательные, как самостоятельно, так и в составе вокативных конструкций, образованных, скажем, на базе другого апеллятива или включающих в себя имена собственные: *мой друг барон; милейшая барыня, родная моя голубушка Людмила Ивановна* и т. п. Целью нашего исследования было рассмотрение основных классов апеллятивов, употребляемых в составе эпистолярного вокатива.

Как эпистолярно-этическая норма апеллятив без сопутствующего ему собственного имени выполняет функцию обращения чаще всего тогда, когда имя адресата автору письма либо неизвестно, либо уже названо при опосредованной адресации: сначала, скажем, *Г-же Л. Никифоровой*, а затем уже *Сударыня!* [1 (29: 90)] и аналогично *Вере Евгеньевне Таккель-Аренс* и дальше *Сударыня!* [1 (29, 333)], – либо в данной коммуникативной ситуации, например при обращении к какому-нибудь коллективу лиц [1 (29: 190, 461); (30: 14, 421)] и др., не функционально и не существенно. В особых же случаях адресант может принести адресату свои извинения, как это делает, например, А.М. Горький, обращаясь к Н.Д. Красову одним словом *Уважаемый* и так объясняя эту вольность: *а имени и отчества Вашего не могу вспомнить, Вы извините меня за это* [1 (29: 46)].

Если отвлечься от противопоставления нарицательного имени существительного собственному имени в сугубо лингвистическом смысле, то принципиальное отличие вокативного апеллятива от вокативного онима в функциональном плане заключается, по всей вероятности, в том, что апеллятив как метаязыковая категория представляет собой обращение, которое можно квалифицировать как обращение общее. Это значит, что письмо с соответствующей адресацией, и в частности с одним и тем же апеллятивом, может направляться в принципе любому адресату, тогда как письмо с вокативным онимом адресуется только какому-то конкретному лицу. Однако есть и апеллятивы, употребление которых возможно при адресации лишь к ограниченному кругу лиц, и такой тип апеллятива мы будем называть частным.

Апеллятив и как обращение общее, и как обращение частное может быть канонизированным, когда его употребление является этической нормой, общепринятой в эпистолярике фигурой (*Милостивый государь; Граф; Коллега; Товарищи; Дамы и господа*), и неканонизированным, если он существенно отступает от традиционных форм обращения и употребляется только конкретным адресантом или узким кругом адресантов. Это вокативные апеллятивы типа *Мадемуазель сестра* [2 (11: 229)]; *госпожа хорошая* [3: 164], а также обращения *душа моя, друг мой, голубчик* или, как у А.С. Пушкина, *моя прелесть* в письме Л.С. Пушкину [4: 48], *моя радость* в письме В.П. Горчакову [4: 49] и другие подобные им.

Как обращение спонтанное апеллятив может быть мотивированным с разной, правда, степенью прозрачности теми или иными свойствами личности адресата или связанными с ним событиями и обстоятельствами, в которых он находился (у А.С. Пушкина, например: *житель свободной Англии* в письме Н.И. Кривцову [4: 13]; *любимец муз* в письме П.А. Вяземскому [4: 207] и т.п.), и немотивированным, жёстко не связанным с какой-то определённой лексикой, его характеризующей (*Карантинно-таможенный человек* [2 (11: 85)]). Вокативный апеллятив бывает подобно имени собственному сугубо персонализированным, допускаемым только при обращении конкретного лица к конкретному же. Например: *Многоуважаемый, хотя и молодой изверг* в письме А.М. Горького Л.М. Леонову [1 (30: 195)]; *Бесшабашный шантажист, разбойник пера и мошенник печати*

в письме А.П. Чехова брату Александру [2 (11: 243)]; *Дура моя – ягодка* в письме Сергея Есенина А.Б. Мариенгофу [3: 165] и т. п.

Как видим, субстанционально вокативный апеллятив – явление чрезвычайно разнообразное, в особенности тогда, когда ему не сопутствует какая-нибудь вариация собственного имени. С учётом описанных выше оппозиций можно, как нам кажется, выделить следующие группы имён нарицательных, функционирующих в письмах в качестве вокатива.

1. Общий канонизированный апеллятив – это такая общепринятая и построенная в соответствии с действующими нормами письменного общения лингвистическая фигура, основное назначение которой состоит в том, чтобы, не называя имени, всё же обозначить адресата и привлечь его внимание к тексту направленного ему послания. В качестве адресата при этом может выступать в принципе любое лицо, находящееся в самых разных отношениях с адресантом. К общим канонизированным апеллятивам, функционирующим в качестве вокативов, мы относим клише-словосочетания типа *милостивый государь* [5: 389], *уважаемые товарищи* [6: 110], специальную клишированную лексику, выступающую в качестве одиночных персонифицированных обращений или входящую в состав тех или иных вокативных конструкций, т. е. апеллятивы *господа, друзья, коллега, сударыня* и всё то, что может быть квалифицировано, по В.Е. Гольдину, в качестве регулятивов [7: 93], а по М.М. Телеки, В.Д. Шинкаруку, – в качестве общих обращений [8: 115].

За многими из такого рода лексем закреплена только вокативная функция, и в качестве тех или иных членов предложения они без какой-либо дополнительной коннотации или без конкретизирующих их детерминантов, как правило, не функционируют. Фразы, подобные следующим: *Я познакомился с милостивым государем* или *Господин был вчера в театре* – в представленном их виде вряд ли приемлемы и могут быть коммуникативно значимыми лишь при такой, например, их модификации: *Я познакомился с этим вашим «милостивым государем»* и *Этот господин был вчера в театре*. Обычно общий канонизированный апеллятив не маркирует ни характера послания, ни характера отношений между адресантом и адресатом, ни социального статуса коммуникантов, ни их личностных качеств, хотя такие, скажем, клише, как *милостивый государь, сударь мой* или *товарищ*, довольно часто задают официальный тон соответствующему посланию, а то и некоторую отчуждённость, как это имеет место, например, в письме М.П. Мусоргского, который обращается к старшинам Артистического кружка в Москве: *Милостивые государи* [9: 215], или в письме М.А. Булгакова к ответственному секретарю Союза советских писателей А.С. Щербакову, которое начинается обращением *Уважаемый товарищ!* [10: 524]

2. Общий неканонизированный апеллятив – это тоже обращение без антропонима и тоже применимое в принципе к любому адресату, но уже только при некоторых, заданных заранее условиях коммуникации, и в частности либо к адресату из ограниченного круга лиц, уже связанных с адресантом определёнными отношениями, либо к адресату, которому автор письма считает необходимым заявить о своём к нему отношении. Естественно поэтому, что функционирует соответствующий вокативный апеллятив в более узком, чем апеллятив канонизированный, коммуникативном пространстве, но обращение к неканонизированному апеллятиву предоставляет адресанту более свободную, жёстко не регламентированную форму установления контакта с адресатом. Таковы,

например, апеллятивы *голубчик* [11: 44, 143, 549], *голубушка* [9: 128, 203; 11: 79, 340], *друг* [3: 103; 9: 81, 112, 202], *старик* [3: 200] и др. По-видимому, к этой же группе можно также отнести эмоционально-оценочные имена существительные *радость, счастье, любовь, прелесть* и т. п.

Чаще всего общий неканонизированный апеллятив является частью вокативной конструкции, поскольку далеко не каждое нарицательное существительное может функционировать в качестве вокатива без детерминации соответствующей коммуникативной ситуации. Так, в принципе, письмо можно начать вокативным апеллятивом *Друг* и вокативной конструкцией *Дорогой друг*, вокативом *Радость* и вокативной конструкцией *Радость моя*, вокативом *Голубушка* и вокативной конструкцией *Голубушка ты моя* – контакт обозначен, но гораздо определённое он обозначен всё же соответствующими конструкциями, включающими в себя детерминацию апеллятива, и в частности местоимением *мой*, без которого не только ощущается какая-то неполнота самого обращения, но иногда неоднозначно может быть истолкована и его коннотация.

Вот несколько примеров общего неканонизированного апеллятива в функции эпистолярного вокатива: *любезный друг* [12: 396], *наш светлый друг* [9: 227], *голубчик мой, сокол ясный* [9: 61], *хорошая моя девочка* [11: 309], *милый мой мальчик* [11: 42].

Описанная фигура менее формализована, чем общий канонизированный вокатив, так как её использование связано, как уже было отмечено, с проявлением определённого отношения адресанта к своему адресату, которое он может выразить, не будучи скованным какими-то ограничениями статусного характера, а соответственно и регламентированным набором лексики.

3. Частный канонизированный апеллятив – фигура, содержащая в себе указание на родственные отношения адресата и адресанта, социальный статус, титул, должность, персональное звание и т. п. адресата и используемая применительно только к тому кругу лиц, который обязательно обуславливает именно данную, причём канонизированную форму обращения. Это клише типа *Ваше превосходительство, Ваша светлость*, такие обращения, как *барон, княгиня, капитан, профессор, редактор* и т. п., которые могут детерминироваться (*дорогой мой барон*) и сочетаться с каким-нибудь общим апеллятивом (*товарищ капитан, господин профессор*), а также обращения к родственникам *мама, папа, отец, дедушка, бабушка, брат, сестра* и др.

Адресату может быть известна личность адресата, и, обращаясь к ней с упоминанием её социального положения, автор письма тем самым подчёркивает значимость для себя именно статуса адресата, его ответственность перед обществом, а значит, и перед адресантом, что в свою очередь предполагает, во всяком случае по мнению адресанта, более внимательное прочтение письма и, по-видимому, благоприятную для адресанта реакцию на его послание. Чаще всего такой апеллятив используется в письмах к начальству и людям с более высоким социальным или служебным положением. Так, например, А.В. Суворов обращается к Павлу I: *Всепросветлейший Державнейший Великий Государь Император Самодержец Всероссийский Государь Всемилостивейший* [13: 319]; А.С. Пушкин – к Николаю I: *Всемилостивейший государь!* [4: 209]; М.А. Булгаков – к Конраду Мариу, директору издательства: *Глубокоуважаемый господин директор* [10: 231].

4. Частный неканонизированный апеллятив – это свободное и не регламентированное жёсткими нормами этикета обращение адресанта к ограниченному кругу лиц,

апеллятив, используемый обычно в письмах родственникам и близким людям (и наоборот, к людям, находящимся с автором письма в сложных и даже враждебных отношениях), когда непосредственное обращение может не только так или иначе называть лицо, которому данное письмо адресовано, но и выражать ему, прямо или косвенно, свою симпатию или антипатию.

Это обращения типа *мамчик* и *мамуленька*; *братан*, *братка* и *брательник*; *друган*, *дружечка* и т. п., зафиксированные, в частности, в Словаре русского речевого этикета [14: 682–700], *отесинька* в письмах И.С. Аксакова отцу [15: 19], *панхен* у М.П. Мусоргского [9: 260]. Но это могут быть и любые иные нарицательные существительные, указывающие на определённый статус адресата, если эти существительные в чём-то не соответствуют официальной номинации такого статуса или поданы не на русском языке. Так, М.П. Мусоргский обращается к М.А. Балакиреву, приглашённому в Прагу для руководства постановкой опер М.И. Глинки, *pane professore* [9: 62], а к В.В. Стасову – *généralissime* [9: 135], предпочитая такое именование всем прочим, включая и антропоним в любой его форме.

5. Спонтанный объективно мотивированный апеллятив – апеллятив, не связанный какой бы то ни было регламентацией субстанционального, а зачастую и этического характера, апеллятив не канонизированный, но в принципе мотивированный какими-то объективными причинами и используемый в переписке лиц с уже установившимися, обычно достаточно близкими отношениями, а также в письмах, заведомо ориентированных на определённую, прогнозируемую автором письма реакцию адресата.

Это очень широкий круг слов и словосочетаний, представляющих собой открытое множество разнообразнейших лингвистических фигур с самой разной коннотацией. Фигуры эти заранее не обозначены и могут быть связаны с условиями жизни адресата, с его профессиональной или общественной деятельностью, с его характером, манерой поведения, какими-то личностными особенностями и т. д. Н.В. Гоголь, например, при обращении в письме к М.С. Щепкину использует апеллятив *земляк* [16: 333], а А.И. Герцен в письме М.П. Боткину употребляет обращение *соотечественник* [5: 447]. Мотивировка очевидна даже в её семантических нюансах, указывающих на регион и на страну. А.С. Пушкин в письмах К.Ф. Рылеву использует вокатив *поэт* [4: 118, 144], исходя при этом из вполне объективных реалий, а к П.А. Вяземскому он обращается *милый европеец* [4: 82], и такое именование содержит прозрачный намёк на общественно-политические взгляды и литературные пристрастия адресата.

6. Спонтанный субъективно мотивированный апеллятив – это вокативная конструкция, апеллятив в которой непосредственно не связан с чем-то таким, что объективно, а не по усмотрению адресанта указывало бы на особенности личности адресата. Автор письма сам выбирает обращение, исходя из того, как он квалифицирует личность своего коммуниканта и как он – и только он – желает именовать его в данном конкретном случае, в связи со сложившимися к моменту написания письма обстоятельствами или в соответствии со сложившимся мнением об адресате.

Здесь тоже чрезвычайно широкий круг слов как с позитивной, так и с негативной коннотацией, а отношение автора письма к адресату проявляется далеко не всегда прямолинейно. Несколько примеров.

Инфузория, – обращается А.П. Чехов к своему брату [2 (11: 396)], и к нему же: *Велемудрый секретарь* [2 (11: 313)] и даже *Владыко* [2 (12: 62)]. К своей жене О.Л. Книппер

Чехов обращается: *клопик мой* [2 (12: 455)], *таракашка* [2 (12: 515)], *лошадка* [2 (12: 510)], *милая собака* [2 (12: 464)], *милая моя конопляночка* [2 (12: 533)], а В.В. Маяковский называет свою возлюбленную *кашалотик* [17: 137]. И это при том, что речь о фауне в соответствующих письмах, конечно же, не идёт.

В письме к П.В. Нащокину у А. С. Пушкина обращение *Бедная моя крестница* [4: 367], именно *крестница*, а не *крестник*. Аналогичная ситуация с категорией рода и в письме В.И. Ленина Николаю Александровичу Семашко: *Милая моя Семашко! Не капризничай, душечка!* [18: 24].

7. Персонифицированный апеллятив – это обращение, принятое в самом узком кругу близких людей, а иногда возможное только при общении двух конкретных лиц, апеллятив, являющийся своего рода функциональным аналогом собственного имени адресата, близкий к псевдониму или прозвищу. Мотивация такого названия субъективна, хотя для самого адресанта она может быть и чем-то обусловлена. Персонифицированный апеллятив – это некий аналог антропонима, предназначенный, как и собственное имя, для обозначения некоего индивидуума, конкретного лица безотносительно к чертам его характера или каким-либо иным качествам с той, однако, разницей, что в нём заключена известная экспрессия, сопутствующая также и многим другим, производным от личных имён. Выбран такой апеллятив исключительно по воле адресанта. И вот несколько весьма, с нашей точки зрения, показательных на этот счёт примеров. К.Г. Паустовский в письмах называет жену Е.С. Загорскую-Паустовскую *Крол* [19: 60], *Кролёнок* [19: 51], пасынка С.М. Навашина – *Серый бес* [19: 140], а свою вторую жену В.В. Навашину – *Зверушка*, *Зверунья-невуня*, *зверуша*, *Звэра*, *Звэрунья-кукунья* [19: 144, 157, 158, 165, 175].

Персонифицированный апеллятив зачастую обладает признаками окказионального слова, а может оказаться и искусственным образованием типа *Кисица*, как это имеет место в одном из писем В.В. Маяковского, адресованных Лилии Брик с его же пояснением, что это он сделал из *Киса* и *Лисица* [17: 154] или *Дорлил* (*дорогой Лилёк*) [17: 134]. У А.П. Чехова есть *Миша-терентииша* при обращении к М.П. Чехову [2 (11: 25)].

Тот или иной тип эпистолярного вокатива при его лексическом наполнении можно, хотя и не всегда жёстко, связать с определенными семантическими полями (родственники, профессия, социальный статус и др.). При этом прямая корреляция типа апеллятива и реализующего этот тип семантического поля имеет место, очевидно, во всех семи выделенных нами типах вокативных апеллятивов. Существенно и то, что в рамках одной вокативной конструкции может сочетаться лексика разных семантических полей, в том числе и тогда, когда она сопутствует собственному имени адресата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Горький М.* Собр. соч. в 30 т. / [Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького]. – Т. 29. Письма, телеграммы, надписи: 1907–1926. – М. : ГИХЛ, 1955. – 672 с. – Т. 30. Письма, телеграммы, надписи: 1927–1936. – М. : ГИХЛ, 1956. – 820 с.
2. *Чехов А. П.* Собр. соч. в 12 т. / [под общ. ред. В. В. Ермилова, К. Д. Муратовой и др.]. – Т. 11. – М. : ГИХЛ, 1963. – 696 с. – Т. 12. – М. : ГИХЛ, 1964. – 784 с.
3. *Есенин С. А.* Собр. соч. в 5 т. – Т. 5. Автобиографии, статьи, письма / [подгот. текста и прим. А. А. Козловского, А. М. Марченко и др.]. – М. : ГИХЛ, 1962. – 456 с.

4. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10 т. – Изд. 2-е. – Т. 10. Письма / [текст проверен и примеч. составлены проф. Л. Б. Модзалевским и И. М. Семенко под ред. проф. Б. В. Томашевского]. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 903 с.
5. *Герцен А. И.* Сочинения в 9 т. / [под общ. ред. В. П. Волгина, Б. П. Козьмина, С. А. Макашина и др.]. – Т. 9. – М. : ГИХЛ, 1958. – 756 с.
6. *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. в 13 т. – Т. 13. / [подгот. текста и примечания: В. А. Арутючева и др.]. – М. : ГИХЛ, 1961. – 628 с.
7. *Гольдин В. Е.* Обращение: теоретические проблемы / Валентин Евсеевич Гольдин. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 130 с.
8. *Телеки М. М.* Соціальні категорії модусу в текстах епістолярного жанру. Монографія / Марія Михайлівна Телеки, Василь Дмитрович Шинкарук. – К. – Миколаїв : Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2007. – 172 с.
9. *Мусоргский М. П.* Письма. – 2-е изд. – М. : Музыка, 1984. – 446 с.
10. *Булгаков М. А.* Собр. соч. : В 8 т. – Т. 8 : Жизнеописание в документах / [сост., подготовка текста В. И. Лосева]. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – 736 с.
11. *Чайковский П. И.* Письма к близким. Избранное / [редакция и комментарии В. А. Жданова]. – М. : Гос. музыкальное издательство, 1955. – 672 с.
12. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 20 т. / под общ. ред. Н. Н. Акоповой, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, М. Б. Храпченко. – Т. 17. Письма 1845–1886 гг. / [составление, вступ. статья и примеч. С. А. Розановой]– М. : Худож. лит., 1965. – 624 с.
13. *Суворов А. В.* Письма / [отв. ред. А. М. Самсонов]. – М. : Наука, 1986. – 808 с.
14. *Балакай А. Г.* Словарь русского речевого этикета / Анатолий Георгиевич Балакай. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 767 с.
15. *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856 / [издание подгот. Т. Ф. Пирожкова]. – М. : Наука, 1994. – 654 с.
16. *Гоголь Н. В.* Собр. соч. в 6 т. / под общ. ред. С. И. Машинского, А. Л. Слонимского, Н. Л. Степанова. – Т. 6. Избр. статьи и письма / [подгот. текста и примеч. А. Н. Дубовикова]. – М. : ГИХЛ, 1959. – 564 с.
17. Литературное наследство / [гл. ред. В. В. Виноградов]. – Т. 65. – Новое о Маяковском. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 632 с.
18. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Издание пятое. – Т. 53. Письма: июнь – ноябрь 1921 / [ред. И. А. Гладков]. – М. : Изд-во полит. литературы, 1965. – 546 с.
19. *Паустовский К. Г.* Собр. соч. в 9 т. – Т. 9. Письма. 1915–1968 / [сост., подгот. текста и примеч. Л. Левицкого]. – М. : Худож. лит., 1986. – 542 с.

Стаття надійшла до редакції 23.07.13

Куварова О., канд. філол. наук, доцент,
Дніпропетровський нац. ун-т імені Олеся Гончара, Дніпропетровськ

АПЕЛЯТИВ У СКЛАДІ ЕПІСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА

Виділено типи апелятивів, які функціонують у складі епістолярного звертання до адресата: загальний / окремих, канонізований / неканонізований, спонтанний, персоні-

фікований. Показано можливості сполучуваності апелятивів, що належать до різних класів, та їх співвіднесеність з деякими семантичними полями.

Ключові слова: лист, адресант, адресат, епістолярний вокатив, звертання, апелятив.

Kuvarova O., PhD, docent,

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Dnipropetrovsk

APPELLATIVE IN THE COMPOSITION OF THE EPISTOLARY VOCATIVE

The types of appellative functioning in the epistolary appeal to the addressee are distinguished: general / private, canonized / uncanonized, spontaneous, personalized. Some possibilities of compatibility of the appellatives belonging to different classes with the certain semantic fields are shown.

Key words: letter, sender, addressee, epistolary vocative, appeal, appellative.

УДК 811.161.2'282.2'367.624

О. Левенець, аспірант,

Луган. нац. ун-т імені Тараса Шевченка, Луганськ

СЕМАНТИКА ПРИСЛІВНИКІВ “ШВИДКО”, “БИСТРО”, “СКОРО” В ДІАЛЕКТНИХ ТЕКСТАХ (на матеріалі українських східнословобожанських говірок)

У статті розглянуто структурні, варіативні та семантичні підходи до прислівника в інтерпретації діалектного тексту, проаналізовано психологічне сприйняття прислівника в тексті східнословобожанських говірок, і те, наскільки ці особливості зумовлені сутністю цієї мовної одиниці. Верифіковано семантичні варіанти лексем “швидко”, “бистро”, “скоро” за контекстуальними, ситуативними та позиційними ознаками на основі діалектних текстів східнословобожанських говірок та діалектних словників суміжних говорів. Виявлено функціональні зв'язки та семантичні еквіваленти лексем, що визначаються спільним та відмінним у семантиці.

Ключові слова: лексема, інтерпретація прислівника, семантичний варіант лексеми, семантичний спектр лексеми.

Лексичний склад мови чи діалекту стали головною темою досліджень теоретиків семантики, але представники різних лінгвістичних шкіл по-різному трактують одне й те саме явище [1 : 7].

Увага українських та зарубіжних лінгвістів до семантичної структури слова розпочалася з середини ХХ століття. Розроблено різноманітні принципи аналізу семантичної структури слова, яка пов'язана з морфологічною, синтаксичною будовою слова і стосується семантичного аналізу всієї лексико-семантичної групи або підгрупи, до якої нале-

© О. Левенець, 2013